

Заглавие документа	К вопросу о методике когнитивно-ономасиологического исследования топонимов // Актуальные вопросы славянской ономастики: Материалы III Международной конференции «Славянская ономастика в этимологическом, хронологическом и ареальном аспектах», Гомель, 6–7 октября 2006 г. / Отв. ред. Р.М. Козлова. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. – С. 120–129.
Авторы	Копач О.И.
Тема	Языкознание
Дата публикации	2006
Аннотация	В данной работе предлагается методика когнитивно-ономасиологического исследования микротопонимов. Сам термин <i>когнитивно-ономасиологический анализ</i> требует пояснений. Вторая же часть статьи посвящена описанию последовательности, в которой данный вид анализа осуществляется. В качестве иллюстративного материала используются собственные имена названий болот Беларуси и США.

В ономастических изысканиях последних лет ведущая роль закономерно переходит от репрезентативной функции языка к функциям эпистемологической и кумулятивной [4, с. 163; 6, с. 4]. Трактовка слова как заместителя предмета сменилась поиском внутренних слоев культуры, запечатленных в нем и отражающих не столько противопоставленность, оппозицию данного имени другим именам той же системы, сколько деятельность сознания человека, связанную с отражением предметного мира.

Долгое время привязывая имя к понятию и рассуждая о классах, которые выражают существенные признаки предмета и которые не выражают их, языковеды оставляли в стороне чувственную сторону познания, с которой и начинается изучение объекта действительности. Поэтому неудивительным выглядит на данном этапе возвращение назад – к вещи и восприятию ее человеком, а также замена вопроса «что?», характерного для эпохи обособленности лингвистики от мира, на вопросы «как?» и «почему?». Отсюда и та роль, которую в современной лингвистике играют когнитивистика и лингвокультурология, ищущие пути возвращения языкознания к антропологической парадигме.

В данной работе нам бы хотелось предложить методику когнитивно-ономасиологического исследования микротопонимов. Сам термин *когнитивно-ономасиологический анализ* требует пояснений. С них мы и начнем. Вторая же часть статьи посвящена описанию последовательности, в которой данный вид анализа осуществляется. В качестве иллюстративного материала используются собственные имена названий болот Беларуси и США, почерпнутые в энциклопедических и кадастровых справочниках, а также из электронных ресурсов Американского географического общества [5; 14; 17].

В работах, связанных с исследованием языка с позиций его единства с миром и человеком, упоминается слово *концепт*, одинаково часто употребляемое как когнитивистами, так и лингвокультурологами, этнолингвистами. Так же часто изучение языковой картины мира трактуется языковедами как когнитивная лингвистика. Для нашего дальнейшего рассуждения исключительно важным является разграничение сфер двух направлений исследования, претендующих на «звание» работающих с сознанием человека. Проще всего это сделать, обратившись к функциям языка – когнитивной и познавательной.

Если считать их единой функцией, то смешение лингвокультурологического или этнолингвистического концепта и концепта когнитивного (стоит сразу дать ему другое название – пусть это будет слово *шаблон*) неизбежно. Если же развести их «по разным углам», разграничить рассмотрение результатов взаимодействия человека с миром (познавательная функция) и исследование механизма мышления (когнитивная функция), то демаркационные линии между двумя разделами окажутся проведенными: лингвокультурология и этнолингвистика займутся исследованием «совокупности всего феноменального опыта среды» [6, с. 13], усвоенного Человеком, т.е. всех представлений, которые Он связывает с тем или иным явлением или предметом, а когнитивная лингвистика – рассмотрением логико-гносеологических оснований развития знака и языка как знаковой системы.

Вследствие этого оказывается возможным изучать как этноязыковое своеобразие имен конкретной местности (познавательная), так и единство законов мышления, за действием которых можно наблюдать в естественном языке (когнитивная). При изучении национального (этнического) своеобразия имен и того, что за ними стоит, нас будут больше интересовать конкретные обстоятельства имянаречения, т.е. синхрония (в большей степени – для апеллятивов, имен нарицательных) и диахрония (для собственных имен при подобном исследовании обычно всё же говорят об этимолого-ономазиологическом аспекте исследования – это связано со спецификой онимов как чисто номинативных знаков). *В случае же, когда мы наблюдаем за механизмом наделения объекта именем, гораздо важнее данные панхронии (типологии), т.е. сведения о том, что характерно не для какого-то определенного языка, но для человеческого языка вообще, для языка как явления мира* (курсив мой – О.К.).

Диахронические и синхронические исследования – традиционные направления изучения топонимии. В них накоплен значительный материал, важный и необходимый как для решения вопросов об уточнении этноязыкового и количественного состава лексики, использованной в именах той или иной территории, и о расселении разного рода этнических общностей на территории (диахрония), так и для определения структуры самих имен, комплекса основ и формантов, встречающихся в именах определенной территории (синхрония, хотя в отношении топонимов это и будет несколько условный термин).

Большинство предыдущих исследований топонимической системы и отдельных ее полей представляют собой «каталогизацию» мотивирующих

основ топонимов, а также способов номинации и средств, оформляющих топоосновы. В этих работах дается совокупность формантов и типов сочетаний онимов, а семантический (содержательный) анализ оказывается лишь средством, содействующим их выделению. На исследование формальной стороны ориентированы все лингвистические методы, упоминаемые в коллективной монографии «Методика ономастических исследований»: описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, ареальный [12, с. 198]. В силу преобладающего интереса к форме имен, эти методы позволяют установить онтологические особенности онимической системы и каталог ресурсов, применяемых в языке для реализации функции точного ориентира, но не логико-гносеологические основы наделения единичного объекта именем.

Способностей традиционных подходов определить место топонима в ряду других знаков языковой системы недостаточно для воплощения современных представлений о языке как реализаторе более широкой «концептуальной системы носителя языка как системы его мнений и знаний о мире» [9, с. 12]. Обращение к структуре сознания, создание которой предшествует появлению слова, заставляет ономастов выдвинуть на передний план исследования методы семантической реконструкции, когнитивного (интроспекция) и ономастического анализа, обратиться к данным других наук. По верному замечанию Е.Л.Березович, ономастика пришла к пониманию невозможности изучения «духовной культуры по тем же канонам, что и материальной» [1, с. 10].

Когнитивный аспект исследования диктует определенную модификацию исследования плана содержания языковых единиц. В когнитивистике и культурологии семантика рассматривается как энциклопедичная, включающая в себя семантическую и прагматическую информацию. Разница между направлениями видится в понимании объема, степени абстрагированности и унифицированности представлений, которые связываются у носителей языка с объектом.

В культурологическом ракурсе концептуальность имени рассматривается М.В.Голомидовой как совокупный объем представлений о возможности применения собственного имени: языковые и экстралингвистические знания, связанные с использованием ономастического знака, которые сложились у носителей данного языка [3, с. 20]. Следствием такого понимания мыслительной функции становится создание обширных классификаций, которые в деталях рассматривают все представления, способные послужить исходной базой формирования онима. Здесь могут быть учтены такие параметры, как проявленность или имплицитность субъекта наблюдения, направленность ориентации, координирующий механизм, объем охвата территории, характер сцепления элементов пространственной картины мира, задействованность пространственной горизонтали или вертикали и др. [1, с. 16–18]. При этом как бы на второй план уходят сами знаки языка и их взаимная связанность.

Когнитивная лингвистика предполагает, что «семантическое значение выражения присуще не только внутренним свойствам объекта или ситуации, которую оно описывает, но также обязательно включает и то, как мы предпочитаем думать об этом объекте» [7, с. 10]. Такие предпочтения, иначе говоря, ракурсы рассмотрения объекта можно назвать шаблонами или образными схемами. Шаблон воплощает конвенциональную образность и используется субъектом автоматически. В результате концептуализация (точнее будет сказать *шаблонизация или схематизация) охватывает имена объектов уже в момент их появления и диктует правила применения символических ресурсов при номинации новых объектов. В данной статье шаблон понимается «не как чувственный образ (концепт), а как способность по-разному структурировать и толковать содержание одной и той же когнитивной области, ...способность по-разному форматировать когнитивное содержание» [2, с. 32]. Этот подход идет от Эдмунда Гуссерля и Чарлза Сандерса Пирса. Последний, в частности, говорил, что «точкой, от которой берет начало всякое логическое рассуждение, являются не чувственные впечатления, но объекты восприятия» [10, с. 298].

Именно рациональный, а не чувственный компонент является ведущим при исследовании имен в русле когнитивной лингвистики (в отличие от лингвокультурологии или этнолингвистики), поэтому на второй план уходят все конкретные основы, мотивирующие имена объектов: «мы всегда забываем подробности прежде более общих свойств» [10, с. 40]. Во главу угла при анализе механизма наделения объекта именем выходит знаковость и связанность знаков между собой. О двух возможных путях рассмотрения знаков, кстати, говорит и Ю.М.Лотман, который при этом соотносит чувственный и рациональный подходы с право- и левополушарным мышлением [8, с. 46–57].

С целью выявления когнитивных шаблонов в нашей работе лингвистические характеристики топонимов сопоставляются с особенностями денотатов (единичные объекты) и ролью топонимного знака (роль ориентира). Для топонимов важно не только указать на объект, но и – что более существенно – выделить его индивидуализирующий признак. При этом важным остается противопоставленность одних знаков другим в системе, а также наличие или отсутствие и характер онимообразовательных средств.

На **первом (концептуальном) этапе исследования** среди имен болот (гелонимов) Беларуси и США выделяются такие группы:

1) единицы, в которых принадлежность системе собственных имен болот не выражена языковыми средствами: *the Marsh, Flynn's Lake* и др. В первом случае дублируется английский апеллятив *marsh* 'болото', во втором – имя другого, не болотного объекта. Значит, **объект (болото) не воспринимается как точный ориентир**: его имя указывает на вид объекта, без выделения индивидуализирующего признака или дублирует в гелониме название другого объекта;

2) единицы, в которых встречается непосредственное (английский) или опосредованное (белорусский) указание на характер объекта, подвергнутого языковой номинации. Т.е. в этой группе имен принадлежность к гелонимии выражена посредством слов-морфем: англ. *Big Lagoon Marsh, Vestals Swamp*, бел. *Вімгеніштэйнаўскае балота* и др. – или при помощи неоднозначных славянских формантов: бел. *Беліца, Бярозавік* и др. Факт появления новой морфемы (во всех случаях – субстантивной) при создании гелонима свидетельствует о **внимании номинатора к болоту как объекту реальности и ориентиру**;

3) единицы, в которых названия двух и более прилегающих друг к другу объектов имеют общую часть, равную единицам двух вышеописанных групп, и отличаются только морфемой-дифференциатором. **Уточнение информации** способно происходить исключительно в межгелонимном взаимодействии в случаях, когда морфемный состав названий объектов совпадает: англ. *Dover Swamp > Great Dover Swamp*, бел. *Кун'е > Вялікае Кун'е*.

В первой группе, как видно из примеров, новых по сравнению с исходной лингвистической формой материально выраженных средств не возникает; во второй они представляют собой морфемы-субстантиваторы или слова-субстантиваторы; в третьей – уточняющий, дополнительный признак предмета.

Следующий, **второй этап** – семантический: рассмотрение семантики каждого из компонентов топонима. Когнитивно-ономазиологический анализ топонимии реконструирует деятельность ее создателя, а потому начать следует со старого элемента, т.е. с классифицирующего компонента. Сначала определяется интересующий объект действительности, ведется поиск его ключевых слов-репрезентантов в именах данной топонимной подсистемы – основные средства, которыми он манифестируется. Среди слов, номинирующих болото в рассматриваемых языках, самые частотные – англ. *swamp, marsh, bog*; бел. *мох, балота*. Обычно это самые частотные, общеизвестные слова с достаточно абстрактным значением. Абстрактность слова определяется способностью нести в себе несколько существенных признаков и служить обозначением этого объекта в апеллятивной (общей) лексике. В белорусском языке *аржавец* означает болото с водой, в которой есть окись железа [15, с. 14], *багна* – непроходимое болото без растительности [15, с. 18] и т.д. Нерасчлененность семантики таких слов отмечается и в американской топосистеме. *Swamp* определяется как низко расположенные земли, постоянно залитые водой и заросшие деревьями и кустами, а *marsh* – как низины, часто затапливаемые и характеризующиеся ростом травы и камыша [16, www.gdbc.gov]. Анализ апеллятивов, обозначающих объект в данном языке, позволяет определить область их референции.

Важно учитывать тесную связь топонимной лексики с экстралингвистическими факторами, особенно с другими объектами исследуемой территории, поэтому определить все, в т.ч. «неболотные», географические апеллятивы, входящие в состав названий данной подсистемы. В числе терминов, встречающихся в гелонимах США и Беларуси, немало таких,

которые не имеют значения 'болото' и обычно обозначают другие географические объекты: бел. *возера, лес, паляна*, англ. *flat, break, city*. В таких случаях можно отметить однокомпонентность проприальной части онимов, даже несмотря на их видимую многословность («топонимные фразеологизмы»): *Gnat Pond, swamp; Вялікі Лес*, балота. Имя собственное в таком случае включает в себя составной знак, который обозначает другой объект, а значит, расчленение такого топонима нежелательно.

Теперь следует рассмотреть рематический, новый компонент топонима, обнаружить дифференцирующие признаки исследуемой реалии. При этом снова учитывается связь с внеязыковой действительностью, окружающей объект: помимо слов общей лексики, способных выделить объект из остального мира, выявляются собственные имена близлежащих объектов, также включающиеся в процессы номинации и деривации.

Мотивирующие основы, выявленные при этом, позволят определить то средство, которое превратило содержание сознания номинатора в новый знак. Это та точка, где ономазиология распадается на собственно ономазиологию (анализ изменений в плане содержания номинативных единиц) и ономатологию (поиск деривационных средств). Поиск идеальных и материальных преобразователей идет на основе сопоставления гелонима с производящей основой.

Наличие материально выраженного форманта, в данном наименовании гелонимной подсистемы, позволяет квалифицировать сам формант как собственно гелонимный, а деривационную основу – как отражающую собственные признаки болота. Отсутствие формантов означает необходимость обращения к внелингвистической информации, к ценностному аспекту. В преломлении на систему топонимии, играющей роль точного ориентира, ценностный аспект состоит в определении семантики двух идентичных топонимов и на этом основании квалификации одного из них как производящего, а другого – как производного.

Третий этап исследования – ономазиологический. Если понятие *шаблон* отражает определенный угол зрения, под которым обычно рассматривается объект, то понятие «ономазиологической структуры слова» отмечает «основное синтагматическое действие» [11, с. 23] по созданию единиц языка, логику движения разума от старого к новому, процесс создания плана содержания слова. Ономазиологический базис – основа обозначения, показатель категориальной принадлежности новой лексической единицы, ономазиологический признак уточняет, дифференцирует в ряду однородных представителей категории.

Так, в гелониме *Bear Swamp* 'медвежье болото' роль базиса играет субстантивный компонент со значением 'болото' (имя указывает на объект), а признак выражен названием животного. А вот с именем *Big Bear Swamp*, если на прилегающей к нему территории есть болото *Bear Swamp*, сложнее. С формальной точки зрения ономазиологический базис этого примера поликомпонентен, т.к. содержит 2 раздельно оформленные единицы – *bear* и *swamp*, но по отношению к названию *Big Bear Swamp* он представляет собой

неделимый знак, т.к. он уже зафиксирован как особый компонент реальности, как название другого объекта. Если в названии *Bear Swamp* роль дифференциатора (т.е., по сути, функцию собственного имени) играет название животного, то в гелониме *Big Bear Swamp* ее играет признак размера, но размера относительного, существующего в связке с еще одним гелонимом.

Рассмотрение содержательных характеристик номинативного акта состоит в определении ономазиологических категорий, отражающих взаимодействие категориальных характеристик двух компонентов тема-рематической структуры. Точно так же, как в системе апеллятивной лексики, в онимах присутствуют средства, которые фиксируют различные смысловые оттенки перехода от старого к новому. Критерий выявления содержательных категорий – характер взаимодействия категориальных характеристик базиса и признака номинативной единицы. В случае, когда оба компонента представлены в одном слове, «качество единицы определяется при помощи синонимического сопоставления анализируемой единицы со свободным словосочетанием, поскольку большинству лексических единиц при их возникновении предшествовало описание» [13, с. 44]: например, *Каменка* = *Каменная балота*, *Баравуха* = *Баравое балота*.

Последовательность появления дифференциаторов отражается как в материальной, так и в смысловой структуре онима, поэтому может трактоваться как стадийность. Цепочка будет такой: англ. *the Swamp* – *Bear Swamp* – *Big Bear Swamp*, бел. *Мох* > *Мох Васілеўшчына* > *Мох Дальняя Васілеўшчына* > *Мох Дальняя Васілеўшчына 2*. Это не значит, конечно, что всегда все звенья будут наличествовать на одном участке территории. И географический апеллятив может быть иным (англ. *the Marsh, the Bog*, бел. *Балота, Алёс*), и первичный, и вторичный дифференцирующие признаки могут варьировать, но все наименования болот Беларуси и США по своей ономазиологической структуре будут принадлежать к одному из трех типов. Конкретное наполнение содержанием зависит от территориального контекста, учет которого принадлежит к уровню семантики и не зависит от ономазиологической категории.

Последний **четвертый** этап номинативного исследования – ономато-логический (или ономато-морфонологический, если учитывать те изменения, которые происходят при создании слов на стыках морфем). Здесь фиксируются те способы и средства номинации болот в данном языке, которые оформляют мотивирующую основу и переводят ее в гелонимную подсистему гидронимии.

Результатом проведения такого многослойного исследования будет определение наиболее существенных (логико-гносеологических, а не только психологических, единичных) признаков географических объектов и наиболее вероятная последовательность объективации этих признаков в пределах топонимной системы и в структуре языкового знака, каковым является и топоним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1999.
2. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 25–36.
3. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: Дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1998.
4. Гурская Ю.А. Номинативный и коннотативный аспекты личного имени как особого языкового знака // Языковая номинация: Тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 25–26 июня 1996 г. – Минск, 1996. – С. 163–164.
5. Кадастровый справочник. Торфяной фонд Белорусской ССР. По состоянию разведанности на 1 января 1978 г. – Минск, 1979 (по каждой из областей – отдельные издания).
6. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (К вопросу об идеальном проекте языка) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2001. – Т. 60, № 5. – С. 3–13.
7. Лангаккер Р.У. Когнитивная грамматика. – М., 1992.
8. Лотман Ю.М. Асимметрия и диалог // Избранные статьи. В 3-х тт. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1.
9. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М., 1983.
10. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. – СПб., 2000.
11. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – С. 17–41.
12. Теория и методика ономастических исследований / А.В.Суперанская, В.Э.Сталтмане, Н.В.Подольская, А.Х. Султанов– М., 1986.
13. Торопцев И.С. Предмет, задачи, материал и методы ономазиологии // Проблемы ономазиологии: Науч. тр. / Под ред. И.С.Торопцева.– Орел, 1974. – Т. 21 (114), вып. 1. – С. 3–75.
14. Энциклапедыя прыроды Беларусі: У 5-ці т. / Рэд. І.П.Шамякін і інш. – Мінск, 1983. Т. 1–5.
15. Яшкін І.Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. – Мінск, 1971.
16. British Columbia Geographic Names Information System (www.gdbc.gov)
17. United States Geographic Society: Geographic National Information System (<http://geonames.usgs.gov/pls/gnis>).